

Евгений Кравцов. **Человек в лодке**. 2011.
Холст, масло. 90x180

Человек в лодке

Известный художник Евгений Кравцов ценит в искусстве сотворчество зрителя

Женя, на правах бывшей однокурсницы буду с тобой на «ты». Часто ли бываешь на родине? Ты никогда не думал, кем бы ты стал, если бы остался на Алтае?

Я живу в столице, но мне приятно при случае отмечать, что родом я из Сибири, из Алтайского края, подчеркивая особенно, что из деревни. Родился я в селе Хлопуново, все детство провел в Поспелихинском районе. Взросление выпало на город Новоалтайск, где в стенах Новоалтайского художественного училища определился мой профессиональный и жизненный путь. Алтайка — это пора счастья. Трудно представить, что где-либо в другом месте я мог бы также благотворно прожить юность. Дальше — учеба в Москве, жизнь в столичном регионе.

Сейчас с Алтаем меня связывают родители, родня, старые друзья и воспоминания. Приезжаю нечасто. Как оказалось, люблю скромный степной пейзаж, скучаю по нашей зиме.

Да, я задумывался о том, что было бы со мной, если бы остался на родине. Не знаю. Возможно, я был бы несколько другим. Насколько? Не знаю. Но думаю, что если переместить меня сегодняшнего, сформировавшегося на Алтай, то было бы примерно тоже, что и теперь, поменялся бы только быт. Есть, правда, размышления о том, что моя творческая и профессиональная деятельность была бы более востребована. Это не о благах речь, мне не на что жаловаться.

Москва — очень большой город, несомненно, с большими возможностями, и она поглощает. Напротив, чем меньше регион (город, страна, народ), тем больше становится значимость каждого человека. На местном уровне моя творческая деятельность была бы знакома любому, хоть сколько-нибудь интересующемуся искусством человеку, что, в свою очередь,

побуждало бы меня к более активной и ответственной работе. Художнику трудно работать на полку, постоянно приходится искать внутренние мотивирующие ресурсы.

В твоих ранних и студенческих работах было так много цвета (как пример, этюд портрета 1988 года), и вдруг твоя живопись враз стала монохромной. Что произошло? Это твоя личная концепция, посыл миру, который потерял радость и перестал быть цветным?

Не вдруг, не резко. Но мое творческое лицо как-то постепенно пришло к сегодняшнему виду. Не представляю себя сильно другим и как человека, и как художника. Но, надеюсь, эволюция еще не закончена.

Твою живопись часто сравнивают с творческой манерой Андрея Тарковского в кинематографе, согласен ли ты с этим?

Да, иногда сравнивают с Тарковским и Уайетом. И, действительно, любовь к этим художникам просматривается в моих работах. Сравнение очень лестно, но я понимаю, какая дистанция отделяет меня от этих личностей.

Раньше я был весьма податлив на разного рода влияния, знаю, это и сейчас есть, но уже в значительно меньшей степени. Сложно выделить отдельных художников, определявших мое формирование: менялись периоды, менялись ориентиры, менялись любимые художники.

Талант — это дар Божий или труд? Как в твоём случае?

Талант, способности — дар от рождения, реализация таланта — труд. Думаю, я не очень рачительно отнесся к данным мне способностям.

В 2021 году 10 декабря наша общая alma mater — Новоалтайское государственное художественное училище — отметила 50-летний юбилей. Вспомни об этом периоде твоей жизни.

Поздравляю училище с недавним юбилеем! Желаю здоровья коллективу преподавателей и студенчеству! Здоровой атмосферы искусства и учебы. Новоалтайское художественное училище в памяти навсегда. А училище — это люди: друзья, педагоги, студенты. Конечно, больше в памяти те, с кем жил на съёмных квартирах, в общежитии, с кем учился в одной группе.

По окончании училища я был приглашен директором Борисом Георгиевичем Босько на должность преподавателя рисунка. Удивительная метаморфоза — одномоментный переход из студента в преподавателя, сопровождавшийся, естественно, разными забавными моментами и ситуациями. Я продолжал жить в общежитии (в отдельной комнате!), но, заходя в училище, шел в преподавательскую. Студенты, особенно старших курсов, иногда подчеркнуто вежливо, с двусмысленными улыбочками, говорили: «Здравствуйте, Евгений Михайлович!»

Преподавателей вспоминаю тепло, всех. С возрастом стал ценить «разность» людей. С большой благодарностью отношусь к мастеру нашей группы Ирине Анатольевне Леденёвой. Отдельным человеком, художником, учителем, несколько особняком, был и остается для меня Владимир Александрович Раменский. Я благодарен судьбе, что он был в моей жизни. Не могу сказать, что я его хорошо знал, но сформировавшийся в моем сознании образ художника, скорее всего, несколько идеализированный, до сих пор является для меня эталонным.

Сейчас думается, что в НХУ все события были одно ярче другого, сложно даже выделить какое-то отдельно. Кажется, что это был сплошной праздник. Вспоминаю свою училищную дипломную работу — групповой портрет. Ты, Юля, на переднем плане, как самая яркая из нашей группы.

Одна из твоих последних серий «Деформация. Коррозия» потрясает. Но не скрою, бьет по нервам и лично меня заставляет задуматься о бренности всего земного. Готовясь к нашему разговору, я показала нескольким людям полотно «Корова» и попросила поделиться впечатлением. Вот некоторые ответы. Ирина: «Впечатление двойственное. С одной стороны, видно, что картина мастерски, профессионально написана, а с другой стороны, самое первое слово,

Евгений Кравцов. **Белая ночь.** 2018. Холст, смешанная техника. 65x140

Евгений Кравцов

Евгений Михайлович Кравцов — русский художник. Родился в Алтайском крае в 1965 году. В 1989 году окончил Новоалтайское художественное училище. В 1989–1990 годах преподавал рисунок в Новоалтайском художественном училище. В 1996 году окончил Российскую академию живописи, ваяния и зодчества. В настоящее время занимает должность заведующего отделением живописи и кафедрой рисунка и живописи Московского академического художественного училища. Художник неоднократно участвовал в групповых и персональных выставках в России и за рубежом. Его работы находятся в музеях и частных собраниях в России, Франции, Англии, Италии и США.

которое приходит на ум при взгляде на картину, — это безысходность. Мрачная давящая безысходность». Анатолий: «Да понятно ж все, катастрофа в сельском хозяйстве». Анастасия: «Ну, это сейчас мода на негатив и чернуху, я больше люблю цветы, нежные». Кто из них, по-твоему, ближе к разгадке замысла? И что на самом деле «хотел сказать автор»?

В числе моих большей частью разрозненных работ есть два альбома: «Деформации» и «Коррозия». Это два довольно больших блока. Последний альбом «Коррозия» пока в работе. Мне необходимо написать еще два холста, чтобы закрыть тему. Альбом может пополняться и дальше, но по окончании этих работ я смогу считать тему закрытой. «Коррозия» включает в себя двадцать семь работ, раскрывающих общий замысел. Нашему поколению довелось жить в разных эпохах. Это редкая возможность увидеть и осмыслить перемены. Альбом — это моя рефлексия по поводу глобальных перемен. Основное понимание — неотвратимость, неизбежность процессов, в то же время зритель, надеюсь, увидит и ностальгический аспект по ушедшей эпохе.

В искусстве мне больше нравятся произведения без утверждений. Произведения, приглашающие зрителя к сотворчеству, где автор дает только посыл к мысленной, чувственной ответной реакции. Естественно и нормально в этом случае, что разные люди по-разному воспринимают произведение, иногда рождая даже то, о чем и не думал автор.

Знаю, что ты не чужд различного рода творческим экспериментам, например, изготовление копии со старинной парсуны. В связи

с этим вопросом: книгу какого писателя ты хотел бы проиллюстрировать?

Считаю себя в этом плане недостаточно образованным. Так много непрочитанного из обязательного! А уж если посмотреть на объем желательной литературы, то вообще страшно становится от понимания, что прочесть это все невозможно. Иллюстрация же к произведению — это отдельное искусство. Я лишен иллюзии кажущейся простоты этого жанра. Мои работы использовались для наполнения поэтических сборников, но, все же, это не иллюстрации.

О «парсунах» и прочем. Я очень много работал и продолжаю работать как профессионал, специалист в области масляной живописи. Охватил практически все жанры — от монументальных росписей до миниатюр. Это не эксперимент, это — работа. Работа интересная, разнообразная, требующая, несомненно, умения и опыта.

Ты и еще один наш одноклассник Павел Гавриченко принимали участие в росписях Храма Христа Спасителя в Москве. Расскажи об этом опыте работы.

С благодарностью принял предложение написать четыре иконы для Храма Христа Спасителя. Пожалуй, это самое ответственное место в храме — Царские Врата. В моем исполнении «Евангелисты» и «Благовещение». Могу сказать только то, что отнесся я к этой работе с максимальной ответственностью и старанием. Мне и позже доводилось участвовать в церковных росписях. Не думаю, что это меня как-то изменило, но к этой части своей деятельности я отношусь с должным почтением.

Сейчас ты трудишься на посту заведующего отделением живописи и кафедрой рисунка и живописи Московского академического художественного училища. Чем отличаются современные студенты от тех, что были во времена твоего студенчества?

Работа в МАХУ является равной по значимости с творческой деятельностью. Если в первом случае я больше ответственен перед собой, то во втором у меня большая ответственность перед студентами, художественной школой. В силу занимаемой должности на мне лежит обязанность определения стратегической и тактической линии обучения.

Принцип «не навреди» — первый в списке задач. А разных других задач в работе с молодыми художниками довольно много. Для педагогической деятельности я созрел довольно давно. Переживая за общее падение художественного образования, я начал писать кое-какие заметки, эссе по проблематике художественной школы, иногда давал частные и общественные уроки. Все это было бессистемно.

Евгений Крацев. Поклонение пастухов. 2007.
Холст, масло. 120x200

Евгений Крацев. Сирень. Дипломная работа НХУ. 1989

Евгений Кравцов. *Палашелье. 1993 год. Прощание.*
1996. Холст, масло. 160x250

На предложение работать в училище дал немедленное согласие, поняв, что это самое нужное место для приложения моих педагогических потребностей, хотя до этого отказывался преподавать в институте. Дело в том, что я не понимаю, как преподавать в высшем учебном звене в связи с современным положением дел в изобразительном искусстве.

В среднем специальном художественном учебном заведении все довольно ясно. Цель — создание крепкой базы на основе традиционной академической школы, позволяющей впоследствии выбрать любой путь развития. Хотя и здесь среди студентов иногда наблюдается растерянность перед несоответствием требований академической школы и тенденций современного искусства.

В этом и есть, пожалуй, основное различие студенчества современного и нашего, советского, где довольно ясным представлялся дальнейший путь в профессии. А, в общем, студенты такие же, как и раньше. Многих я очень уважаю за их труд, целеустремленность, самоотдачу, профессиональный уровень. Есть, правда, впечатление, что у них меньше веселой беззаботности, но, возможно, это только в училище. Может быть, их жизнь вне учебного процесса остается за рамками моего внимания.

В МАХУ студенты получают среднее специальное художественное образование. Молодые художники, выбравшие профессиональный путь, должны всесторонне обучиться профессии. Современное же искусство допускает отсутствие профессионализма, допустимо даже неумение рисовать. Средний возраст наших студентов 15–20 лет. Трудно представить, что при поступлении молодые люди точно осознают дальнейший творческий путь. Какое-то понимание профессии выстраивается за четыре учебных года. По окончании училища выпускники имеют возможность уже более осознанно выбирать свой путь на основании сформированной профессиональной базы и личного понимания искусства, профессии. А пока они дети, подростки, юноши и девушки. Я с ними не слишком строг, строгости добавляет моя нахмуренная внешность.

В твоей работе «Человек в лодке» угадывается автопортрет. Куда несет жизненная лодка художника и человека Евгения Кравцова? Ты плывешь по течению или уже намечены новые цели?

«Человек в лодке» не я. Хотя и я. Я давно понял, что я не выстраиваю жизнь. Жизнь выстраивает. Я лишь могу подгрести веслами в этой большой реке. Целей в жизни, к которым уверенно идешь, у меня нет. Есть ориентиры, причем не вполне четкие.

Что должно произойти в мире, в стране (а, может, в личной жизни), чтобы в живописные работы художника Евгения Кравцова вернулся цвет?

Цвет вернется (он иногда и сейчас используется мной), если появится необходимость. Не стоит напрямую ассоциировать монохромность работ со степенью яркости жизни. В моей жизни достаточно много ярких пятен. Видимо, к цвету в живописи у меня завышенные требования, я не люблю бездумного использования этого ресурса. Наверное, от неумения его использовать я и спрятался за монохром. И все же жизнь продолжается. Куда она приведет? Кто знает...

Беседа вела Юлия Нифонтова